

18+

Аннабель Стар

МИР БЕЗ МЕНЯ НЕ РУХНЕТ

Роман-автофикшн

Аннабель Стар

**Мир без меня не рухнет.
Роман-автофикшн**

«Издательские решения»

Стар А.

Мир без меня не рухнет. Роман-автофикшн / А. Стар —
«Издательские решения»,

Как далеко может зайти женщина в попытке быть идеальной? Обычная провинциальная семья медленно превращается в поле боя, где главным врагом становится собственный перфекционизм. Вместе с героиней читателю предстоит пройти через больничные коридоры и процедуры, историю знакомства с будущим мужем, ловушки психологов и пугающие лабиринты подсознания. Чтобы совершить главное открытие: мир без нас не рухнет. Жизнь может заставить ослепнуть, чтобы наконец-то обрести зрячее сердце.

© Стар А.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Пролог	7
Декабрь 2020	8
Часть 1. Точка кипения	10
Глава 1	10
Март 2026	10
Август 2022 год	11
Глава 2	15
Март 2026	15
Апрель, 2022	16
Глава 3	19
Апрель 2026	19
Июль 2019 год	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мир без меня не рухнет

Роман-автофикшн

Аннабель Стар

© Аннабель Стар, 2026

ISBN 978-5-0071-4346-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Перед тем как вы начнёте читать эту историю, я хочу рассказать вам о её происхождении.

Имя на обложке — Аннабель Стар — творческий псевдоним, бережно сотканный из моих родовых корней. Чтобы защитить частную жизнь тех, кого я люблю, имена героев на страницах романа тоже изменены. Но я даю вам своё честное слово: всё, что вы здесь прочитаете, — моя чистая, оголённая правда. В ней нет ни капли вымысла. Каждая слеза, каждый крик и каждое слово — настоящие.

Эта книга родилась в жанре автофикшна для того, чтобы протянуть руку помощи каждой женщине, которая прямо сейчас заперта в своём тягостном капкане перфекционизма. Современный мир и социальные сети диктуют жёсткие правила: мы обязаны ежедневно совершать подвиги. Нужно оставаться идеальной дочерью и заботливой подругой, безупречно выглядеть, думать о других и чувствовать только то, что «правильно». От нас ждут стопроцентной отдачи на работе, порядка дома и статуса лучшей в мире жены и мамы. И всё это — без права на ошибку.

Я тоже долго играла в эту игру. Внутри меня правил упрямый Дракон Контроля, заставляющий меня цепляться за иллюзию недостижимой планки идеальности и крепко держать за горло мой хрупкий мир, чтобы без моего надзора он не рухнул. Пока однажды моё тело не выставило мне страшный счёт. Чтобы спасти мою душу, Вселенная принудительно уложила меня на больничную койку и устроила перезагрузку всей моей семье.

Эта история о том, как больно и тяжело умират роль Спасателя, и как на её обломках рождается принятие этой сложной жизни во всей её несовершенной красе.

Я прошла этот путь. И хочу, чтобы моя история помогла и вам стать наконец-то более бережными и нежными к самим себе.

Пролог

Декабрь 2020

Я стою перед большим зеркалом в своей когда-то детской комнате в квартире у родителей и заворожённо смотрю на собственное отражение.

В белом, изящном свадебном платье с тонкими кружевными рукавами и открытыми плечами, обнажающими хрупкие ключицы. С аккуратно заколотыми на макушке ярко-рыжими волосами и тонкими, вьющимися, выпущенными по бокам от лица волнистыми прядями локонов. С профессиональным макияжем от визажиста, который в эту минуту, кажется, мне слишком ярким для моего нежного образа. И с длинной, гладкой белоснежной фатой.

Я всматриваюсь в зеркало и растерянно думаю: «Неужели этот день и правда настал? Я невеста. И очень скоро стану законной женой. Я выхожу замуж. По-настоящему».

Заклучение официального брака всегда имело для меня огромное, сакральное значение. Этот серьёзный шаг предполагал мою полную, безоговорочную уверенность в том, что я искренне готова провести всю оставшуюся жизнь рядом с этим конкретным человеком. От такого осознания внутри всё трепетало от сладкого, пугающего волнения.

Рядом в комнате суетливо крутились родители, шумно выполняя последние бытовые приготовления перед нашим выходом. Я шагнула в прихожую и взяла в руки телефон, на который пришло короткое уведомление.

— Пора выходить, — громко сказала я вглубь квартиры. — Игорь уже приехал. Фотограф тоже на месте, ждут у подъезда.

— Сейчас, сейчас, доченька, осталось только обуться! — торопливо отозвалась из спальни мама.

— Ну что, дамы, готовы? — ласково спросил папа, уже стоя обутый на пороге и с нескрываемой отцовской гордостью глядя на меня.

— Готова... — выдохнула я, накидывая на плечи лёгкую норковую шубу. — Ох, как сердечко-то бешено стучит!

— А Игорь то не боится, что ты опять сбежишь из-под венца? — с улыбкой спросила мама, пока мы спускались по широкой лестнице старого подъезда. — Он же знает твою прошлую историю?

— Знает, — серьёзно ответила я. А через секунду иронично добавила: — Но он этого ни капли не боится. Хотя, конечно, перед свадьбой уже успел пару раз подшутить надо мной на эту тему.

Мы остановились перед тяжёлой входной дверью подъезда. Я взяла папу под руку, мама послушно встала чуть позади нас. Сделав глубокий вдох, я нажала на кнопку домофона, папа толкнул рукой металлическую дверь, и мы вышли на крыльцо.

Всего в трёх метрах от нас, прямо у входа, стояла припаркованная тёмно-синяя «Шкода», взятая нами в аренду вместе с водителем и скромно украшенная одной праздничной ленточкой на капоте. Перед машиной неподвижно стоял Игорь — заметно похудевший со дня нашей первой встречи, с гладковыбритым, серьёзным лицом. Он был в тёмном бордово-фиолетовом костюме из ткани-хамелеона, которая едва заметно меняла цвет под разными углами освещения. В руках жених бережно держал аккуратный букет из белых и голубых цветов, перевязанных синей атласной лентой, а на лацкане пиджака красовалась миниатюрная бутоньерка в том же стиле.

Увидев нас на пороге, Игорь замер и восхищённо оглядел меня.

По моей настойчивой просьбе в ночь перед свадьбой мы ночевали раздельно. Я принципиально не показывала ему купленное мной платье и больше всего на свете хотела, чтобы он впервые увидел меня в этом свадебном образе именно здесь — на пороге моего отчего дома.

Затаив дыхание, медленно ведóмая папой вниз по ступенькам, я двинулась ему навстречу, неотрывно, жадно вглядываясь в глаза своему возлюбленному. И с внезапно разливающейся по всему телу щемящей теплотой я первый раз увидела, как в этих больших глазах вдруг проступили настоящие слёзы.

«Мне незачем, абсолютно незачем сбегать от него, — оглушительно пронеслось в моей голове, пока я делала эти шаги по снегу. — Во мне нет больше ни единой капли сомнений. Я твёрдо намерена провести всю свою оставшуюся жизнь только рядом с этим мужчиной!».

С нашей самой первой встречи я всем своим нутром отчётливо чувствовала: это не просто влюблённость. Это — моя судьба!

Часть 1. Точка кипения

Глава 1

Март 2026

Утро понедельника, как и любого другого дня, начинается для меня не с кофе, а со стакана горячей воды пятидесяти градусов. Я специально купила чайник с возможностью нагрева до нужной температуры. Чтобы горячей водой пробудить спящий после ночи желудок, запустить желчеотток и включить пищеварение. Здоровый ЖКТ — основа здоровья, я усвоила это после многолетнего погружения в темы правильного питания.

В это время я достаю из холодильника баночку йогурта и кладу её на батарею. После выпитого стакана воды и проверки в телефоне сообщений с вечера я иду будить старшую дочь, отношу её в зал, включаю мультики, даю йогурт с батареи, трубочку и отправляюсь умываться и надевать линзы для глаз.

Алине три с половиной года. Несмотря на то что она ходит в сад уже почти полгода, она никак не может смириться с расставанием со мной на большую часть дня и необходимостью соблюдать правила, установленные в группе.

Сборы всегда проходят нервно: с уговорами, поторапливаниями и слезами. В это же время я поднимаю младшую дочь Нику. Ей год и один месяц. В качестве завтрака я даю ей грудь. Грудное вскармливание — очень важная для меня составляющая материнства.

Изучив значимость длительного ГВ, я намерена сохранять его до тех пор, пока ребёнок не будет психологически готов от него отлучиться. Несмотря на то, что первый год у Ники была сильнейшая аллергия почти на все продукты, и я несколько месяцев держала строжайшую диету.

Затем в суетной спешке я надеваю на девчонок верхнюю одежду и обувь, сажаю Нику в коляску, и мы бежим в детский сад, как обычно, сильно опаздывая. Там я переодеваю Алину и, поцеловав, отправляю в группу. А точнее — её отрывают от меня воспитатели под слёзы и вопли: «Мама, не уходи!».

С тяжёлым сердцем я вместе с младшей возвращаюсь домой. И начинаю ломать голову, чем же её накормить. К кашам она охладела, яйца тоже не особо жалует, молочку я всё ещё ввожу с большой осторожностью. В общем, задачка та ещё.

А хочется ведь не просто накормить, а обеспечить полезный, правильный приём пищи. Завтрак желательно делать белковым. Но каждый день давать творожки тоже не вариант. Куда с большим энтузиазмом она предпочитает углеводные сладкие блинчики, оладушки и печенье.

Когда какой-никакой приём пищи организован, ребёнок усажен в детский стульчик и сосредоточенно копается в предложенной еде, наконец настанет время для кофе. Эти десять минут спокойствия и удовольствия от ароматного, горячего напитка — моя любимая часть дня.

Выпив кофе и умыв целиком измазанную Нику, я заваливаюсь на диван в зале, включаю сериал и понимаю, что совершенно ничего больше не хочу делать. Невыспавшаяся, уже уставшая от утренних нервных сборов и дороги до сада и обратно, я пытаюсь просто отдохнуть.

Внутренний критик в это время тихонько подгрызает меня чувством вины. Ведь в доме жуткий беспорядок: на кухне горы невымытой посуды, в ванной кучи нестираного белья, по всему полу крошки, а по мебели — пятна от еды.

Но второй голос внутри пытается успокоить первого тем, что к себе надо относиться бережно, с любовью и милосердием. И раз моё тело сейчас хочет просто лежать, значит, лучше дать ему эту возможность восстановить силы.

Кто из них громче, я не знаю. Они попеременно забирают себе главную партию, терзая меня эмоциональными качелями.

Периодически подходит Ника, берёт меня за руку и тянет показать, что ей нужно. Я послушно выполняю её команды. Затем снова на короткое время её устраивает, что я просто нахожусь в поле видимости и подкидываю ей какие-то игрушки в перерывах между её изучением содержимого шкафов и полок.

После пары часов такой прокрастинации я всё же заставляю себя взяться за дела. И тогда начинается мой излюбленный марафон лавирования между бытовыми обязанностями и требованиями дочки. Короткими набегам я пытаюсь сделать хоть что-то по дому, постоянно отвлекаясь на её капризы. За глобальные дела браться даже не пытаюсь — всё равно Ника не даст мне ничего довести до конца нормально.

Около пяти часов вечера мы идём забирать Алину. По дороге домой у неё начинается бурный выплеск эмоций, которые она накопила за время пребывания в группе. Требования сладостей прямо здесь и сейчас или непреодолимое желание ехать домой у меня на ручках — и это несмотря на то, что мне нужно как-то везти тяжёлую коляску в гору по вязкому снегу. После очередной истерики мы, наконец, заходим домой.

Я пытаюсь накормить Алину. В саду она не ест совсем ничего, кроме хлеба и «Снежка» на полдник. Судьба наградила меня семьёй, в которой у половины её членов с едой особые, сложные отношения. Поэтому чтобы всех накормить, приходится либо готовить несколько блюд одновременно, либо подбирать такие рецепты, которые смогут поесть абсолютно все. А таких вариантов, к сожалению, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Вечер проходит в тех же бесплодных попытках разорваться между своими делами и детьми.

В десять часов уставший приходит с дневной смены муж. Я только вытаскиваю в это время девчонок из ванны, надеваю на них пижамы, и они с визгом бегут атаковать папу. Затем накладываю ему ужин и он садится есть, а в это время к нему подбегает то старшая, начиная громко что-то рассказывать, то младшая, настойчиво выпрашивая еду прямо из его тарелки.

Тут же Алина внезапно выдаёт, что снова проголодалась. Я перебираю варианты, что могу предложить — ей всё не то. Она начинает капризно подвывать.

Игорь не выдерживает и раздражённо кричит:

— Да дайте, вы уже мне поесть спокойно!

— Не ори на детей! — мгновенно вспыхиваю я.

— А как тут не орать, если я пришёл домой голодный, уставший, а мне даже поесть нормально не дают?!

— Я так живу всё время, представь себе! — отрезаю я. — Дети не видели тебя весь день, соскучились, хотят провести с тобой время, а в ответ получают крики и «иди отсюда»!

Он угрюмо молчит и продолжает есть. В душе у меня в это время разворачивается настоящая драма отчаяния и разочарования. Не о такой семье я мечтала в юности, не так я себе представляла будущее, когда связывала свою жизнь узами брака с этим человеком.

А ведь когда-то он казался мне лучшим мужчиной на свете...

Август 2022 год

Я на тридцать девятой неделе беременности. Мы с Игорем поехали на дачу к моим родителям. Стояла солнечная, тёплая погода, и я решила последние деньки своей свободы от обя-

занностей материнства провести на свежем воздухе, без домашних забот — слушая пение птиц и греясь на солнышке.

Игорь пожарил шашлык, мы с мамой сделали овощной салат и сварили молодую картошку. Сидели за столом на большой веранде и неспешно разговаривали.

— Я рассказала подружкам, что уехала на дачу, так они удивляются моей смелости — отправляться за город на таком сроке, — с усмешкой сказала я.

— Да чего бояться? В крайнем случае могу и я у тебя роды принять, — ответила мама с улыбкой. — Тебя ведь мы с папой дома сами рожали.

— Ну уж нет, спасибо! — рассмеялась я. — Я предпочту рожать в подходящих условиях и рядом с профессиональными врачами.

— А партнёрские роды вы не рассматриваете? — поинтересовалась мама. — Мне в своё время папина поддержка очень помогала.

— Нет. Я считаю, Игорю там делать совершенно нечего.

— Да я и сам бы ни за что не пошёл! — вставил Игорь. — Я лучше денег заплачу, чтобы всё было организовано как надо.

— Ну и зря, совместные роды открывают совершенно новый уровень близости. — сказала мама.

Я на секунду закатила глаза.

— В любом случае я не думаю, что рожу в ближайшие дни, — уверенно подытожила я. — Мне ещё неделю точно ходить. Вряд ли дочка попросится наружу раньше срока.

Мы ночевали не в основном доме, где спали родители, а в уютной гостевой спальне, которая находилась в одном домике с баней. Подготовились ко сну и легли в постель. Игорь начал свои привычные любовные заигрывания, и мы занялись нежной близостью. Несмотря на огромный живот, он продолжал видеть во мне привлекательную женщину, и его желание никогда не угасало. Мне всегда безумно нравилось, какими глазами он на меня смотрит. Я оставалась для него красивой в любом весе, в любом виде. И именно это научило меня саму смотреть на себя без постоянной, удушающей критики за каждую не идеальность.

На следующий день мы вернулись домой под вечер, поужинали и вскоре легли спать. В полшестого утра я проснулась от странных, тянущих ощущений в животе. Сходила в туалет, потом долго крутилась в постели, принимала разные позы и пыталась понять: тренировочные это схватки или нет. Проснулся Игорь. Он озадаченно наблюдал за моими манёврами и постоянно спрашивал: «Ну что? Ну что там?».

Вскоре стало окончательно понятно: это явно начало процесса.

— Едем в роддом! Быстро собирайся! — скомандовал он.

Но вместо того чтобы бежать одеваться, я помыла голову, сходила в душ и суматошно пыталась доделать то, что планировала успеть до родов. Мне было жизненно необходимо сменить постельное бельё, закинуть покрывало и плед в стирку, натереть до блеска зеркала — чтобы малышка приехала в абсолютно свежий, безупречно чистый дом. Схватки становились всё сильнее, накатывали жёсткими волнами. Я останавливалась, замирала, облокотившись на стену и тяжело дыша, переживала, пока отпустит. Муж не выдержал и раздражённо прикрикнул, чтобы я немедленно бросала всё и одевалась.

В роддоме после осмотра дежурный врач констатировал: процесс в самом разгаре. Пока меня оформляли в приёмном покое, я торопливо выдавала Игорю последние инструкции по поводу того, что ещё необходимо домыть и доделать дома, и какие именно вещи мне нужно будет довести позже. Он явно нервничал. Я видела, как сильно он переживает за меня, хоть и старается держать себя в руках.

В родовом отделении мне стало уже не до мыслей о муже. Началась та самая изнурительная стадия, когда раскрытие близится к максимальному, а схватки становятся частыми и невыносимо сильными.

Я готовилась к этим родам со всей возможной тщательностью. Читала умные книги, проходила онлайн-курсы подготовки, до автоматизма тренировала правильное дыхание и облегчающие боль позы. Мне было крайне важно, чтобы всё прошло по моему идеальному сценарию: без лишних медицинских вмешательств и обязательно с возможностью сразу же, в первую минуту, приложить ребёнка к груди.

В перерывах между накатами схваток я крутила бёдрами на фитболе, чувствуя, как постепенно проваливаюсь в какой-то тягучий, плотный транс, в котором вся моя вселенная сузилась до этого процесса. Весь мир вокруг просто перестал существовать.

И вот настал самый важный момент. На потугах врач нахмурилась и отметила, что они слабоваты, и скомандовала медсестре:

— Ставьте окситоцин.

Сквозь тяжёлую пелену транса я попыталась возмущённо возразить:

— Зачем это?! Я справлюсь сама!

— Я здесь врач, и мне виднее, — твёрдо, но удивительно заботливо отрезала она.

Её тон заставил меня довериться. С окситоцином потуги заметно усилились, и вскоре на свет появилась моя малышка. Сквозь шум в ушах я услышала, как врач спокойно сказала что-то про обвитие. Пока девочку клали мне на грудь, я успела заметить, что кожа у неё слегка фиолетового оттенка. Я испуганно опустила руку на её мокрую спинку и крошечную головку и начала тревожно восклицать:

— Почему она молчит?! Почему не кричит?!

— Всё нормально, мамочка, сейчас задышит, — ответила акушерка.

И вот раздался этот невероятный, навсегда пронзивший моё сердце звук — её ворчание. Она не кричала и не плакала, а только тихонько кряхтела и всхлипывала. Я смотрела на её головку, лежащую на моей груди, и чувствовала себя самым счастливым человеком на планете. Слёзы ручьём катились из глаз. Моё чудо появилось на свет. Я мама!

Вскоре её забрали, чтобы взвесить, измерить рост и запеленать. Укутанную куколку положили в прозрачную пластиковую колыбель на расстоянии метра от меня. Я тут же начала просить, чтобы мне дали её обратно в руки, я хотела немедленно приложить к груди.

— Да подождите вы немного, в себя хоть придите сначала, — добродушно ворчала медсестра. — Всё равно она сразу грудь не возьмёт.

«Много они понимают, — упрямо думала я. — Ребёнка надо первый час оставлять с матерью, чтобы дать ему базовое чувство безопасности и связи».

Медсестра спросила:

— Хотите, я её сфотографирую пока?

И, не дожидаясь ответа, взяла с кушетки мой телефон и начала бережно щёлкать младенца. Только тогда я вспомнила, что всё это время мобильный лежал рядом, но мне ни разу не пришло в голову его взять.

В это время меня осмотрели, провели все необходимые после родов процедуры и наконец-то передали мне дочь. Я сразу стала пытаться дать ей грудь, вспоминая все те изученные инструкции о правильном прикладывании. Но, к моему огромному разочарованию, дочка лишь лениво почмокала губами возле соска, так и не присосавшись. Пришедший к тому времени детский врач успокоила меня: это абсолютно нормально, чуть позже всё обязательно получится. Я держала её на руках, смотрела на это крошечное личико и буквально впечатывала в своё сердце каждую чёрточку.

И вдруг вспомнила, что нужно же сообщить Игорю! Я так сильно погрузилась в своё эгоистичное счастье и совершенно забыла, что муж находится в полном неведении с той самой секунды, как оставил меня в приённом покое.

Набрав его, я тихо сказала, что полчаса назад родила. Он спросил, как всё прошло, в порядке ли МЫ? Я ответила, что всё благополучно. И в этот момент Алина закричала прямо рядом с телефоном. В динамике повисла долгая, звенящая тишина, а затем раздалось отчётливое, прерывистое шмыганье носом.

«Он будет прекрасным отцом», — пронеслось у меня в голове.

Глава 2

Март 2026

Сегодняшний день я с безысходным страхом ожидала последние полгода. Родители мужа уехали на постоянное место жительства в Краснодарский край, выбрав своим новым домом город Ейск. Они грезили этим переездом ещё с момента нашего знакомства.

Их семья жила в Донецкой области до 2015 года. Жизнь там была нелёгкой. Отец с матерью круглосуточно пропадали на тяжёлой и при этом низкооплачиваемой работе — на кирпичном заводе. Это было единственным производством в их небольшом посёлке, и больше особо некуда было податься. Игорь, только окончив техникум, тоже устроился на этот завод, быстро заслужил уважение начальства и какое-то время зарабатывал даже больше, чем родители. Но этого всё равно было недостаточно для беззаботной жизни. Младший сын Виталя ещё учился в школе.

Когда в 2014 году начались серьёзные политические проблемы, многие семьи стали уезжать в Россию. В их числе были и близкие друзья родителей, которые к тому же жили с ними в одном подъезде. Семья, состоящая из мужа с женой, старшего сына — ровесника Игоря — и младшей дочери восьми лет, по совету знакомых сразу направилась в мой родной город Новокузнецк в Кемеровской области. Этот выбор был сделан исходя из нескольких прагматичных пунктов: в Кузбассе довольно легко получить гражданство из-за оттока населения, к тому же здесь огромное количество тяжёлых производств. Заводы, шахты, разрезы — работающим мужикам в этом городе всегда найдётся место.

Семья Савейко до последнего не была готова покидать родину. Они отчаянно надеялись переждать страшные события и поскорее вернуться к обычной жизни. Но ситуация ухудшалась с каждым днём: конфликт усиливался, военные действия добрались до их местности, происходил уже настоящий беспредел, бомбили водонапорные башни, оставляя людей без водопровода. Зарплату на заводе стали задерживать по несколько месяцев, а порой и вовсе выдавали провиантом вместо денег.

Прожив почти год под звуки взрывов и изо дня в день, таская воду в квартиру из уличного колодца, родители всё же приняли тяжёлое решение уезжать. Но Игорь и слышать об этом ничего не хотел:

— Езжайте, а я остаюсь! Если надо будет — и сам пойду в ополчение!

Зная его упрямый характер, родители бросили бесплодные попытки его уговорить и молча начали собирать чемоданы. В его последнюю смену на кирпичном заводе начальство, уже давно сходявшее с ума от непрекращающегося напряжения, выдало Игорю унижительное указание — разгрести лопатой грязную яму с отходами от производства, образовавшуюся в цеху. Он, ругаясь и ворча, взял лопату, встал над этой ямой, посмотрел в липкую темноту и вдруг подумал: «Да какого чёрта я должен унижаться и грести лопатой какое-то дерьмо в этой прогнившей конторе?!».

Он со злостью отшвырнул лопату в сторону, развернулся, подошёл к начальнику и коротко отрезал:

— Я ухожу.

И просто пошёл домой. Придя в квартиру и увидев пакующих вещи родителей, он глухо произнёс:

— Я еду с вами.

Несмотря на призывы друзей ехать сразу в Сибирь, они решили попытать счастья сперва в Орловской области, затем в Таганроге. Но везде Савейко сталкивались с тяжелейшими испы-

таниями, буквально выживая на грани нищеты. А потом судьба привела их на юг, в Ейск. Там они наконец-то смогли немного выдохнуть. Мужская часть семьи устроилась в строительную бригаду, а мама пошла работать в столовую. Денег хватало, климат был подходящий, у них появились близкие друзья. Но спустя два года ребром встал вопрос о гражданстве. В переполненном, Краснодарском крае оформить российские паспорта было невероятно сложно, долго и безумно дорого.

И тогда они направились в Сибирь.

Друзья, уже пустившие здесь корни, помогли отцу с Игорем устроиться на угольный разрез, Виталю зачислили доучиваться в вечернюю школу, а мама стала работать в пекарне. Вскоре они благополучно оформили гражданство и купили в ипотеку квартиру. Но душой вся их семья продолжала тянуться назад — в Ейск, город, в котором они прожили своё лучшее, самое счастливое время.

Со дня нашего знакомства с родителями Игоря у нас сложились прекрасные, удивительно тёплые отношения. Свекровь со временем стала мне второй мамой, в чём-то даже более близкой и понимающей, чем моя родная. Мы могли часами болтать обо всём на свете, делиться любыми новостями. Она никогда не навязывала мне своё мнение и с неизменным уважением относилась к моим решениям. Даже если наши ссоры с Игорем доходили до неё, она всегда мудро вставала на мою сторону и аккуратно старалась нас помирить.

А теперь я осталась без своего главного, надёжного помощника.

Апрель, 2022

Мы с Игорем пошли прогуляться и заодно зайти в магазин за продуктами. У него был выходной, погода стояла тёплая, но пасмурная, повсюду шумно текли весенние ручьи вперемешку с грязным, тающим серым снегом. Игорь сам катил коляску, а я шла рядом и буквально не знала, куда деть собственные руки — они так сильно привыкли всегда лежать на ручке коляски.

Мы решили дойти до аллеи, которая находилась минутах в двадцати от нашего дома. Бывали мы там довольно редко, потому что отходить от своего двора дальше, чем на расстояние пяти минут, мне было страшно. Алина всегда спала очень чутко и беспокойно. В любой момент эта «бомба замедленного действия» могла взорваться, и тогда начинался истощный, захлёбывающийся ор. Никакие качания коляски, уговоры и улюлюканья на неё не действовали. Единственным надёжным способом её успокоить было немедленное прикладывание к груди, чего делать на людной улице я категорически не хотела. В лучшем случае могло сработать обычное укачивание на руках, но стоило после этого попытаться переложить дочку обратно в коляску — мгновенно раздавался оглушительный визг.

Возле аллеи был магазин, мы зашли в него и стали выбирать продукты. Уже на подходе к кассе Алина начала беспокоиться, всё активнее разгоняясь от недовольного ворчания к лютой истерике. Игорь судорожно тряс коляску и безостановочно, как заведённый, произносил:

— Тищищищ, тищищищ, тищищищ...

Бегом побросав продукты в сумку и расплатившись, мы буквально вылетели на уличный воздух. Но было поздно — Алина уже орала во всю мочь. Нервно, торопливо, почти срываясь на бег, мы двигались в сторону дома под непрекращающиеся вопли из коляски. В какой-то момент Игорь не выдержал и злобно вскрикнул на всю улицу:

— Задолбала уже орать как припадочная!

Во мне мгновенно бешеным пламенем зажёгся праведный гнев:

— Ты говоришь о своём ребёнке! — закричала я в ответ. — Как у тебя язык вообще поворачивается такие гадости произносить в адрес собственной дочери?!

— Да потому что невозможно даже в магазин сходить нормально! Каждый раз одна и та же фигня!

— А мне, думаешь, это нравится?! Я круглосуточно, один на один с ней, успокаиваю эти истерики, пока ты вечно пропадаешь на работе или сидишь, уткнувшись в компьютер!

— Может, мне теперь и на работу нельзя ходить?! — Игорь резко затормозил коляску. — Я для вас же стараюсь, впахиваю, чтобы заработать побольше! А ты только транжиришь все деньги на свои маркетплейсы, и мозги мне вечно пилишь!

— Да я, по-твоему, шмотки и безделушки там себе покупаю, что ли?! — слёзы брызнули из моих глаз. — Я всё только для ребёнка или для дома беру! И то подешевле выбираю, каждую копейку высчитываю, чтобы бюджет экономить!

Алинка затихла, словно прислушиваясь к нашему спору.

— Да, конечно, — презрительно бросил Игорь и покачал головой, возобновив шаг.

— Что «конечно»?! Что «конечно»?! Ты уже просто какую-то чушь несёшь, лишь бы обвинить меня во всём на свете!

— Да это ты только и делаешь, что постоянно претензии высказываешь! Вечно всем недовольна, всё тебе не так, всегда!

— Да потому что мне тяжело! — я окончательно разрыдалась. — Я не вижу от тебя вообще никакой поддержки! Ты ни в чём не участвуешь: по дому не помогаешь, с ребёнком тоже. Да ты даже подгузник ни разу ей не менял за все восемь месяцев! Ни разу!

— Девочку моет мама, — жёстко отрезал он. — И у меня нет титки, чтобы успокаивать её постоянные вопли. А для домашних дел я купил тебе посудомойку, робот-пылесос, электрошвабру! Всё покупаю, что ты ни попросишь, лишь бы облегчить тебе этот быт! И хватит орать на всю улицу как больная!

— Да пошёл ты! — гневно выпалила я, не успев даже подумать, что именно срывается с моих губ.

Дома мы оба молча и угрюмо продолжали свою обычную жизнь, делая вид, что вообще не замечаем друг друга. Вечером я намеренно не стала собирать ему обед на работу, зная, что сам он этого делать не будет. «Ну и пусть голодает! — мстительно подумала я. — Заслужил!».

Весь следующий день, пока он был на работе, я провела в слезах и тяжёлых переживаниях. «Господи, да за что мне такой муж достался? — крутилось в голове. — Почему у других мужчины и по дому всё делают, и с детьми сидят, и сами спать укладывают, и слова грубого не скажут? А этот бесчувственный робот совершенно меня не жалеет. Ему плевать на то, как мне тяжело всё тянуть одной, плевать на мои чувства и страхи. Он даже не видит, насколько я уже близка к депрессии, что меня нужно спасать, пока я не вышла в окно... Интересно, если бы со мной, правда, такое случилось, он бы хоть немного почувствовал себя виноватым?».

Ближе к вечеру позвонила его мама — узнать, как дела. Поспрашивав про Алинку, она как бы между прочим поинтересовалась:

— А что там Игорь, когда собирается заехать к нам за своим перфоратором?

— Не знаю, мам, — вздохнула я. — Мы не разговариваем второй день.

— Да что за скотина такая, упрямая! Опять над тобой издевается!

— Ой, не говорите. Никакого слюда с ним нет.

— Это всё порода их противная Савейковская, ну один в один папаня свой, — припечатала свекровь.

Я издала ироничный смешок, не зная, что ещё на это ответить.

— Я позвоню ему сегодня, поговорю, чтобы прекращал мне девчонок обижать!

— Спасибо, мам, но думаю, не стоит, — поспешила остановить её я. — Скажет ещё, что я вам жалуюсь, сор из избы выношу. Нехорошо как-то...

— Не переживай, Инночка, я не скажу, что о вашей ссоре знаю. Позвоню ему вроде как про перфоратор спросить и невзначай на разговор про тебя выведу.

— Спасибо.

— Всё хорошо будет. Не принимай близко к сердцу. Ну что поделаешь, такой вот характер гадкий. Я с таким же сколько лет уже живу — как-то привыкла, не обращаю внимания.

— Да, ничего с ними не поделаешь...

— Я приеду послезавтра, погуляю с Алинкой, отдохнёшь от неё немного.

— Хорошо!

Я была благодарна, что она не стала вдаваться в подробности о нашей ссоре и поддержала меня. А предвкушение её скорого визита и возможности остаться без ребёнка дома на пару часов и хоть немного прибраться приподняло мне настроение.

Когда вечером Игорь пришёл с работы, я с холодным и гордым видом проходила мимо него, принципиально не позаботившись о его ужине. Но в глубине души всё же теплилась глупая надежда, что он сам заговорит со мной и попробует попросить прощения. Прямым текстом извинений Игорь, конечно, никогда не скажет. Я даже порой шутила про себя, что если он хоть один раз в своей жизни произнесёт вслух слово «прости», у него сразу губы онемеют от непривычного произношения.

Однако Игорь также демонстративно не замечал меня. Похоже, разговор с мамой на него никак не повлиял. Перед сном он молча забрал свою подушку с одеялом и ушёл спать в зал, на диван. Это стало для меня последней каплей. Полночи крутась в одинокой кровати и глотая слёзы, я твёрдо решила: больше я не хочу жить с этим ужасным, чёрствым человеком.

Утром, пока Игорь сидел за компьютером и играл, я молча собрала основные вещи — свои и Алины. До предела нагрозила коляску и вышла из дома в весеннюю слякоть. Чёткого плана, что делать дальше, у меня не было.

Я шла к автобусной остановке и размышляла.

Ехать к своим родителям мне было невыносимо стыдно. Я никогда не посвящала их в наши семейные сложности, перед ними мне до последнего важно было сохранять фасад абсолютного благополучия. К его родителям — тоже неловко, да и места для нас там физически не было: у них и без того сейчас жили бабушка с тётей (сестрой мамы), которые недавно тоже покинули родину. К моей сестре — не вариант. Они с мужем так заиклены на своём домашнем комфорте, что врываются в их тихую, уютную жизнь с моим требовательным, плачущим ребёнком, казалось, почти кощунством.

Единственным вариантом, видевшимся мне более или менее подходящим, было поехать к моей бабушке. Она живёт одна, часто жалуется на одиночество и просит навещать её почаще. Бабушка довольно понимающая, она сможет принять нас на какое-то время без лишних упреков.

Чтобы добраться до неё, мне нужно было сначала сесть в автобус до центра города, доехать до вокзала — это около часа пути, — и уже оттуда пересесть на другой маршрут. Ещё ни разу в жизни я не ездила в общественном транспорте вместе с коляской и маленькой Алиной. Но что поделаешь, всё когда-то бывает впервые. На ходу я лихорадочно продумывала, как именно стану заезжать в салон автобуса, у кого попрошу помощи, как поставлю коляску, чтобы она никому не мешала. А если Алина проснётся — возьму её на руки и буду укачивать.

Подойдя к остановке, я решила, что действительно на это готова. Но почему-то пропустила первый же подошедший автобус.

«Поеду на следующем, — успокоила я себя. — Пока ещё погуляю вокруг, пусть Алина уснёт крепче». Прошёл второй автобус, третий... А я всё никак не могла решиться шагнуть на эту подножку подъехавшего автобуса.

Прослонявшись в полном оцепенении ещё какое-то время по холодным улицам и окончательно замёрзнув, я медленно повернула обратно к своему двору. Я зашла домой, стыдливо опустив голову, как побитая собака.

Глава 3

Апрель 2026

После отъезда свёкров я постоянно оставалась с детьми одна. Алина регулярно хватала в саду очередные вирусы, и мы снова садились на бесконечный больничный. Игорь всё свободное от работы время проводил в гараже — занимался машиной и разборкой скопившихся там за зиму вещей.

Просидев с обеими дочерьми дома уже несколько дней без возможности выйти в люди, я стояла у плиты и варила эти так надоевшие мне макароны — единственное, что девчонки готовы были есть всегда. Из зала внезапно донеслись Никины пронзительные вопли. Я вбежала в комнату и увидела: Алина сильно лупила годовалую сестру ладонью по спине. Ника плакала, сидя посреди разбросанных картонных пазлов.

Я резко отдернула руку Алины, схватила ревущую Нику и грозно спросила:

— Что случилось?!

— Она мои пазлы раскидала! Ника плохая! Она мне вообще не нужна! — злобно закричала Алина.

— Ника не плохая! — гневно ответила я, чувствуя, как внутри закипает привычная волна раздражения. — Нечего было доставать пазлы при ней! Ты же прекрасно знаешь, что она маленькая и ещё не понимает твоих занятий!

— Нет, она плохая! — начала реветь Алина.

Я со вздохом унесла Нику в другую комнату, мягко погладила её по волосам, нежно поцеловала в тёплый лобик. Она быстро успокоилась и уже потянулась слезть с моих рук, мгновенно заинтересовавшись какой-то игрушкой, валяющейся на полу.

Я вернулась на кухню, слила воду с макарон, а в голове упрямо крутилась мысль: «Нужно было показать Алине, что я понимаю её чувства. Сказать: я вижу, как ты расстроена, что она раскидала твои пазлы, которые ты так долго пыталась собрать. Мне очень жаль, что тебе приходится терпеть неудобства оттого, что Ника ещё слишком маленькая...».

И вот из зала раздался новый вопль, уже Алинин, а затем — звонкий звук хлёстких шлепков и истошный Никин плач.

Я снова вбежала к ним, выхватила Нику и в бешенстве начала кричать на старшую:

— Хватит бить сестру, ты, бессовестная хулиганка!

— Она меня укусила! — жалобно зарыдала Алина.

— Не надо было отбирать у неё игрушку! Пока она просто лежала на полу, она никому из вас не была интересна! А как только Ника взяла поиграть — сразу понадобилась тебе!

Алина взревела ещё сильнее, бросилась ко мне, ухватила за ноги, и сквозь слёзы начала причитать:

— Ты моя мама! Только моя! Не Никина!

Я бессильно опустилась на диван, усадила Нику на одну ногу, силой подтянула Алину за руку и посадила на вторую, пытаюсь обнять их обеих одновременно. Они ревели в три ручья и тут же начали яростно толкать друг друга, спихивая соперницу с моих колен и пытаюсь занять центральное положение. Я постаралась разделить их и зафиксировать по разным сторонам от себя, но визг только усиливался, и в ход снова пошли зубы и маленькие кулаки.

Не выдержав, я взорвалась. Резко вскочила, буквально скинув обеих с себя на диван, и в полном отчаянии крикнула на всю квартиру:

— Да как вы обе меня достали уже!

Я ушла в спальню, упала лицом в подушку и мысленно воскликнула: «Да что же это за кошмар! Когда уже они, наконец, перестанут ссориться и ревновать?! Зачем я постоянно срываюсь на Алину вместо того, чтобы применять цивилизованные педагогические методы, о которых я ведь знаю абсолютно всё?!».

Немного успокоившись, я разложила макароны по тарелкам и отнесла еду девчонкам в зал. Включила им мультики, а сама поспешила обратно в спальню. «Фух, хоть десять минут спокойно полежать в телефоне можно, пока они едят», — пронеслось в голове.

Но не прошло и пяти минут, как в комнату зашла Алина:

— Мам, давай я сначала поем конфетки, а потом буду лапшу. Честно-честно!

— Нет! Хватит выпрашивать сладости. Поешь нормально, потом будут конфетки! — раздражённо ответила я.

Я, конечно, уже знала, что сейчас начнутся долгие торги, выпрашивания и слезы. Алина никогда не удовлетворяется обычным отказом. Она будет требовать, ныть и давить до тех пор, пока не получит своё. Спор продолжался. Окончательно обессилив от её мёртвой хватки и напора, я нервно подскочила с кровати и строго сказала:

— Только одну конфетку! А потом, чтобы сразу всё съела!

При этом я, конечно, прекрасно понимала, что ничего она не съест. Сейчас она проглотит эту несчастную конфету и тут же придёт просить вторую и третью...

Через какое-то время мы стали собираться на прогулку. Обычные сборы в нашем доме — это отдельный вид спорта. Я буквально бегаю по комнатам то за одной, то за другой дочкой, пытаюсь на ходу натянуть на них одежду и поправить растрепавшиеся причёски. Девчонки постоянно отвлекаются или, что ещё хуже, воспринимают мою вынужденную погоню за ними как весёлую игру и с диким хохотом убегают от меня в другой конец квартиры.

Спустя полчаса этих изнурительных сборов мы наконец-то вышли на улицу. Во дворе ещё не полностью сошёл снег. Половина детской площадки была покрыта обледелой коркой, а вторая утопала в глубоких лужах поверх тонкого, хрупкого льда. Алина с визгом понеслась к железной карусели, схватилась за ледяной поручень, изо всей силы раскрутила её по кругу и на ходу запрыгнула на неё. Ника своими ещё неуклюжими, пухлыми ножками в тяжёлых ботиночках настойчиво заковыляла в сторону сестры — прямо по скользким лужам. Я едва успела перехватить её перед самой каруселью, чтобы годовалого ребёнка не сшибло крутящейся махиной. Ника обиженно завизжала: она непременно хотела залезть туда же, к Алине. Пришлось тормозить карусель, усаживать младшую на сиденье и снова потихоньку, плавно раскручивать.

— Медленно! Слишком медленно! — тут же воскликнула Алина.

Я крутанула чуть быстрее — и в ту же секунду Ника бесстрашно отпустила поручни и начала вертеться на сиденье. Сердце ушло в пятки. Судорожно со скрежетом я остановила карусель, чтобы она не грохнулась. Алина опять завозмущалась: зачем остановила?!

Бесконечное «веселье».

Бегаая кругами то за одной, то за другой дочкой, я постоянно, с надеждой поглядывала на въезд во двор — ждала, что вот-вот покажется машина Игоря. Но, так и не дождавшись его за всю прогулку, мы замёрзшие вернулись домой.

Через некоторое время Игорь приехал из гаража. Я привычно разогрела ему ужин, налила кофе и села напротив. Он ел и увлечённо рассказывал о своих переживаниях по поводу предстоящей этим летом стройки на нашем участке.

В прошлом году мы купили землю. Мы давно мечтали о своём доме и просто не смогли пройти мимо невероятно привлекательного предложения. В нашем спальном районе есть коттеджная застройка в пешей доступности от многоэтажки, в которой мы живём. Участки там

обычно стоят баснословных денег, и мы не первый год облизывались на редкие объявления о продаже в том месте.

Увидев предложение с ценой ровно в половину меньше обычной, мы тут же стали узнавать подробности, чтобы понять, в чём подвох. Оказалось, загвоздка в том, что эта земля находится не в частной собственности, а в аренде у муниципалитета. Договор аренды под индивидуальное строительство подразумевает, что после официальной регистрации на земле жилого дома арендатор получает право перевести весь участок в собственность. И срок этой аренды истекает в октябре 2027 года, а все законные возможности продления договора были уже полностью исчерпаны прежним хозяином.

Мы решили рискнуть. Участок был идеален по всем нашим параметрам. Мы надеялись, что успеем быстро построить там небольшой домик и зарегистрировать его, а после оформления документов спокойно, в своём темпе, переделаем этот временный дом под гараж и приступим к строительству полноценного большого семейного гнезда.

Но реальность быстро столкнула нас с суровым разочарованием. Мы банально не рассчитали масштаб строительства даже этого маленького домика и сильно переоценили свои финансовые возможности. На одну только подготовку участка к стройке ушли почти все наши сбережения, а времени оставалось всё меньше. Это вызывало у Игоря колоссальное напряжение — он буквально не мог думать ни о чём другом. А я, измотанная бытом и детьми, сидела дома постоянно одна и не могла даже укорить его в постоянном отсутствии, ведь он делал это для нашей семьи, и назад дороги не было.

Я сидела напротив мужа и молча слушала, как его разрывает от тяжёлых размышлений: как всё успеть, где взять достаточно денег, какие работы стóит попытаться сделать самому, а на какие придётся нанимать людей. Игорь говорил о сметах, а я в это время безостановочно чесала свои руки с красной, растрескавшейся от экземы кожей.

Проблема с руками одолевает меня всю жизнь. Экзема то затихает на время, то разгорается с новой, бешеной силой. За столько лет я уже досконально выяснила все провоцирующие её факторы: контакты с водой, бытовой химией, холодом и, конечно же, стресс. Ни один из этих триггеров я никак не могла исключить из своей декретной жизни.

В тот вечер муж ушёл на работу в ночную смену. Дети, как обычно, сводили меня с ума. Нервная, дёрганая и раздражённая, я кое-как уложила спать годовалую Нику. В это время сквозь зубы рычала на Алину через дверь, чтобы она немедленно убиралась из комнаты и ждала, когда я освобожусь. Младшая то и дело просыпалась, но когда она уснула достаточно крепко, я аккуратно вытащила у неё изо рта грудь и вышла в зал к старшей дочери с очередным наездом:

— Сколько раз я просила тебя не мешать укладывать Нику спать?! Неужели так сложно спокойно поиграть самóй всего двадцать минут?!

Немного погодя раздражение утихло. Вина за собственный крик привычно кольнула изнутри, и я решила: пока есть возможность уделить личное время обделённой вниманием старшей дочери, я обязана поиграть с ней.

Я села на пол, но Алина тут же принялась командовать: как именно играть, куда встать, что говорить и что делать. Я покорно пыталась соблюдать её инструкции, но она постоянно кричала, раздражалась и топала ногами:

— Ты делаешь всё не так!

На что я то и дело шикала на неё:

— Да тише ты! Нику разбудишь! Хватит кричать!

А сама в это время сжималась от горьких мыслей: «Боже, бедный ребёнок... Она просто хочет играть и веселиться, что так естественно для её возраста. А я только и делаю, что затыкаю ей рот, ворчу, рычу и ругаюсь!».

С долгими уговорами и боем я, наконец, затащила её в ванну, подготовила ко сну и стала укладывать спать. Эта процедура заняла ещё около полутора часов — с бесконечными прерываниями чтения книжки на «попить», «покушать», «сходить в туалет» и тому подобное.

Когда Алина, наконец, заснула, на часах уже была почти полночь. «Ну когда же этот ребёнок будет вовремя ложиться? — с тоской думала я. — Все нормальные дети её возраста спят уже в десять вечера. А эта коза скачет вечно до полуночи, и это притом, что она днём вообще не спит!».

Когда обе дочери мирно спали, я выключила на кухне свет, открыла окно нараспашку, облокотившись на подоконник, и долго смотрела на вечерние огни улицы.

«Господи! Ну почему всё так?! — отчаянно и беззвучно вопрошала я, глядя на тёмное небо. — Почему мне так мучительно тяжело даётся это материнство? Почему моя старшая дочь, которую я так трепетно любила, так оберегала от любых её огорчений первые годы, сейчас не вызывает во мне ничего, кроме раздражения и разочарования? Почему я всё время злюсь на неё, наношу ей бесконечное количество душевных ран, полностью осознавая, как порчу ей детство, и у меня не получается вовремя себя остановить? Почему я не могу просто любить и получать радость от собственной семьи?».

Сама себе отвечая на эти вопросы, продолжала горько размышлять: «Да, я постоянно уставшая, у меня нет помощников, нет ни минуты передышки. Муж не помогает не потому, что не хочет — он действительно круглосуточно занят делами, которые направлены исключительно для нашего блага. Дети тоже не виноваты в том, что в их возрасте они неспособны самостоятельно удовлетворять свои потребности и жизненно нуждаются в мамином внимании, тепле и участии. Да и по дому я, если честно, не сказать, чтобы безостановочно что-то делаю — я давно бросила попытки поддерживать идеальную чистоту, осознав, что это бесполезно. Так почему же я тогда так смертельно устаю?! Ведь сколько в мире других мам в таком же положении, и далеко не каждая из них так мучится и страдает от своей же любимой семьи?».

Единственный вывод из этих ночных размышлений, сформированный пока ещё не прямо, но каким-то липким, тяжёлым фоновым чувством крутящийся в моей душе, был в том, что со мной что-то фундаментально не так.

А ведь когда-то я была совсем другой...

Июль 2019 год

Впервые за свои двадцать четыре года я живу одна. В квартире, которую самостоятельно снимаю, и сама себя полностью обеспечиваю. Три месяца назад я нашла силы поставить жирную точку и выйти из болезненных отношений с инфантильным парнем, которые длились пять лет и уже вовсю близились к свадьбе. До неё оставался один месяц, но вовремя осознав, что будущее с человеком, который панически боится брать на себя любую серьёзную ответственность, не обещает мне счастливой семейной жизни, я просто ушла.

Когда-то я полюбила его за фасадную интеллигентность, образованность и добросердечность. Но приближаясь к возрасту, в котором уже хочется не просто вести бесконечные интеллектуальные беседы, а строить крепкую семью, мне стало ясно: гораздо ценнее сильные мужские качества и надёжная опора.

Мой новый дом стал для меня уютным гнёздышком, которое я старательно и с любовью наполняла новыми вещами. Я начинала жизнь с чистого листа — от быта до внутреннего состояния.

Обрётённая свобода пьянила. Я словно заново училась дышать, принадлежать самой себе и тратить драгоценное время только на себя. В тот июнь я была в своей идеальной физической форме — хорошо постройневшая, с золотистым ровным загаром, бархатной кожей от кофейно-медовых скрабов, с безупречным маникюром и педикюром.

С огромным удовольствием я ходила по магазинам и покупала то, в чём так долго себе отказывала. Мой летний гардероб состоял из новых красивых вещей, которые подчёркивали эту звенящую лёгкость. И даже начала ярко красить губы, хотя раньше почти никогда этого не делала — мне хотелось подчеркнуть каждую грань своей возвращённой женственности.

Я жила в абсолютном, осознанном романе с собственной жизнью. Всё складывалось для меня наилучшим образом: увеличился доход, люди интуитивно тянулись ко мне, мир бережно предоставлял всё, чего бы я ни пожелала.

В этом великолепном, излучающем счастье состоянии я и встретила его.

Первый раз я увидела своего будущего мужа, как это ни странно, звучит, у себя же дома.

В ту пятницу мы, как обычно, собирались встретиться тесной компанией подружек. Это давно стало нашим еженедельным, обязательным ритуалом. Обычно мы немного выпивали, весело болтали о своём, а ближе к полуночи отправлялись в ночной клуб — танцевать до самого утра.

Но в этот конкретный вечер парень одной из моих близких подруг внёс свои коррективы в наши планы.

Они с Лерой нашли друг друга на сайте знакомств и встречались четыре месяца. Как раз он и был тем самым сыном близких друзей семьи Савейко, с которыми они когда-то жили в одном подъезде на своей далёкой родине.

Саня позвонил Лере и предложил присоединиться к нашей женской компании вместе со своими друзьями. Мне, если честно, не очень хотелось видеть у себя дома незнакомых парней, но девчонки уговорили меня. Напудрив носик и накрашив губы, мы стали ждать приезда гостей.

— Ой, Инна, там такой друг у Сани классный, Антон! Он недавно из армии вернулся. Такой огромный лысый шкаф, суперсекси! — восторженно готовила меня Лера. — Он как сожмёт тебя своими ручищами — ты сразу растаешь!

— Лысый шкаф? Это же исключительно твой типаж! — смеясь, отвечала я. — Я амбалов как-то не особо люблю.

— Ну он правда классный! Не всё же тебе с дистрофиками встречаться, пора и нормального мужика на себе испытать, — игриво сказала Лера, сверкая фирменной чертовщинкой в глазах.

Мы громко расхохотались.

— Ну а второй что за персонаж? — поинтересовалась я.

— Второй? Игорь, кажется. Тоже нормальный, я его только мельком видела. Они все трое оттуда, из Донбасса. Тамошние парни надёжные, крепкие и работающие, не то что наши местные белоручки.

— Ладно, посмотрим уж на твоих мужичков, сваха ты недоделанная, — отшучивалась я. — Так и пытаешься меня поскорее пристроить в надёжные руки.

— А чего добру пропадать? — весело констатировала Лера.

— А я и не пропадаю, — кокетливо улыбаясь, добавила я. — Как раз живу наконец свою лучшую, абсолютно свободную жизнь. И уж чего-чего, а ухажёров мне сейчас и так хватает.

— Это точно! — вздохнула подруга. — Только все они пока не сильно лучше твоего бывшего мямли.

Раздался звонок в домофон. Я слегка засуетилась, поспешно поправляя свои пёрышки и пытаюсь принять как можно более естественное положение на стуле, чтобы не выдать, как на самом деле взволнована приходом гостей. В своих коротких белых шортах и розовой облегающей блузке с ажуром я уселась, поджав к себе одну ногу и поставив её на стул.

Трое парней шумно зашли в прихожую, расположенную напротив зала. Я повернулась и оглядела вошедших беглым, оценивающим взглядом.

С Лериным парнем Саней я уже была знакома. Коренастый богатырь с красивым лицом и наголо бритой головой — очень громкий и активный, он умел с первой секунды завести

свободный разговор и расположить к себе любого собеседника. Второй, Антон, действительно выглядел как монументальный шкаф. На голову выше Сани и ещё шире в плечах, с крупными, грубоватыми чертами лица. Третий же казался самым обычным парнем: среднего роста и телосложения, с чёрными, коротко стриженными густыми волосами и такими же соболиными бровями над большими глазами. Его нижней челюсти немного не хватало брутальности из-за мягкой, округлой формы, но густая чёрная щетина компенсировала это впечатление, добавляя его облику мужественности.

Я вышла к гостям, тепло поздоровалась и перехватила тяжёлый пакет с бутылкой виски и двумя бутылками колы из рук Сани. Маша тоже подошла поздороваться. Лера быстро представила нас друг другу, и я гостеприимным жестом пригласила всех располагаться в зале — на диване и стульях вокруг небольшого овального журнального столика. А сама поспешила на кухню за стаканами и тарелками для закусок. Лера тут же коршуном полетела за мной.

— Ну как тебе?! — с нетерпением зашептала она, дёргая меня за руку.

— Да пока никак, я ещё даже разглядеть их толком не успела! Что ты от меня хочешь? — тихо смеялась я, доставая стаканы.

— Ну первое впечатление хотя бы скажи! Антон — секси же, ну?

— Да не знаю я пока, отстань!

Парни щедро разлили по стаканам напитки, смешав виски с колой. Общение завязывалось удивительно легко, фоном тихо играла музыка из моего плейлиста.

В образовавшуюся небольшую паузу Игорь спокойно поднялся с дивана и обратился ко мне:

— А где тут у вас уборная?

Мой внутренний интеллигент мгновенно зацепился за эту фразу. «Надо же, какой вежливый! — пронеслось в голове. — Парни его круга обычно нечасто обременяют себя культурным обращением с девушками».

Я решила ответить ему в той же манере:

— Пройдёмте, я вас провожу в нашу уборную!

Мы оба поулыбались друг другу, и я кокетливо показала ему на дверь туалета.

По мере выпитого алкоголя разговоры становились всё громче и оживлённее, а мы все стремительно раскрепощались. Лера снова увела меня на кухню под благовидным предлогом — принести ещё льда для коктейлей.

— Я смотрю, к Антону ты как-то не особо расположена? — заговорщически спросила она.

— Если честно, он вообще не в моём вкусе, — отрезала я. — Ни внешне, ни по общению. Хамоватый какой-то.

— Ну он ведь только-только из армии вернулся, его забрали сразу, как он гражданство получил. А там без женского общества парни немного грубеют... Ну а как тебе Игорь?

— Вот он — весьма приятный парень, — просто бросила я, уходя от расспросов.

Вечер продолжался. Постепенно и совершенно незаметно для нас наше общение с Игорем стало отделяться от общего шума компании. Мы начали говорить обо всём на свете — от секретов маринада для шашлыка до серьёзного желания иметь детей в будущем, — и с огромным удивлением находили друг у друга слишком много общего. В мыслях, вкусах, во взглядах на жизнь, в каких-то фундаментальных внутренних ориентирах...

В один момент Игорь вдруг весело воскликнул, внимательно всматриваясь в меня:

— Слушай, а ты, случайно, не Дева по гороскопу?

— Дева, — удивилась я. — А ты, случайно, не Овен?

— Овен.

Повисла короткая, многозначительная пауза. Мы смотрели друг другу прямо в глаза, читая в них взаимный восторг и какое-то глубокое чувство узнавания — словно мы знали друг друга уже тысячу лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.